

ЛОРАН ГУНЕЛЬ

БОГ ВСЕГДА
ПУТЕШЕСТВУЕТ
ИНКОГНИТО

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Г 94

Laurent Gounelle
LES DIEUX VOYAGENT TOUJOURS INCOGNITO
Copyright © S. N. Anne Carrière 2010
Published by arrangement with Lester Literary Agency

Перевод с французского Ольги Егоровой

Оформление обложки
Вадима Пожидаева, Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-19126-6

© О. И. Егорова, перевод, 2012
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Теплая, нежная ночь обволакивала меня, несла куда-то, взяв на руки. И мое тело растворялось в ней. Мне казалось, что я плыву в воздухе.

Еще шаг...

Мне не было страшно. Ни капельки. Если я чего и боялся в последние дни, так только того, что страх вторгнется в мои мысли. Я не желал, чтобы он меня удержал и все испортил...

Еще шажок...

Я ожидал услышать шум города и очень удивился, что внизу так спокойно. Не тихо, нет... Спокойно. Все долетавшие снизу звуки были приглушенными и далекими, они убаюкивали меня, а глаза тонули в слабых отблесках ночных огней.

Еще один шаг...

Я медленно, очень медленно продвигался по стальной балке, которая в необычном освещении отливала золотом. В эту ночь мы с Эйфелевой башней слились в одно целое. Идя по золотистому металлу, я вдыхал незнакомые, пьянящие ароматы, разлитые в теплом и влажном воздухе. А в ста двадцати трех метрах внизу у моих ног распростерся Париж. Он манил, мигая ночными огнями, и ждал, когда моя кровь оплодотворит его.

Еще один шаг...

Я все взвесил и готов к тому, на что решился. Это мой выбор, и я его сделал. Я хладнокровно решил положить конец жизни без всякой цели и смысла. Такая жизнь — и это убеждение все больше зрело и крепло во мне — больше не принесет ничего, достойного внимания.

Еще шажок...

Все мое существование было чередой поражений, и начались они с самого рождения. Отец — его и называть-то можно разве что родителем — не считал меня достойным знакомства с ним. Он бросил мать, едва она объявила ему о беременности.

Может, она надеялась от меня избавиться, когда отправилась в один из парижских баров топить отчаяние в вине? Но количество стаканов, выпитых в компании американского бизнесмена, не лишили ее ясности рассудка. Ему было тридцать девять, ей двадцать шесть. Она пребывала в унынии, а от него так и веяло бесшабашной уверенностью, и ее это успокаивало. Он производил впечатление человека зажиточного, а ей надо было выживать. И она, все прикинув и взвесив, в ту же ночь с надеждой предложила ему себя. Наутро она была так нежна и ласкова, что он, то ли по слабости, то ли совершенно искренне, пообещал, что в случае беременности она может сохранить ребенка, что он позаботится о них. Как вышло на самом деле, я уже никогда не узнаю.

Она поехала за ним в Штаты, и там, в стране изобилия, ни у кого не вызвало удивления, что я появился на свет в семь с половиной месяцев, а весил уже около трех кило... Мне дали местное имя, и я стал Аланом Гринмором, американским гражданином. Мама выучила английский и худо-бедно приспособилась к жизни в новом обществе. Все последующее было не

таким радужным. Спустя пять лет мой новый отец потерял работу и, оказавшись один на один с экономическим кризисом, который наступил перед президентством Рейгана, начал пить. И пошло-поехало. Он становился все более мрачным, молчаливым, впал в депрессию. Мать раздражало его бездействие, она была глубоко задета и постоянно старалась его подначить, спровоцировать. Любой пустяк становился поводом для упреков. А полное отсутствие реакции супруга приводило к тому, что ее атаки становились все резче и уже граничили с оскорблениями. Возникло впечатление, что ей доставляло удовольствие, когда он наконец начинал огрызаться. Ее больше устраивали вспышки гнева, чем апатия. Меня эти игры пугали. Я любил родителей, и видеть, как они истребляют друг друга, мне было невыносимо. Вспышки отцовского гнева были редкими, но сокрушительными, и я их боялся, а мама, похоже, откровенно ждала. Она наконец-то добивалась от него хоть какой-то реакции: выражения глаз, жеста. Она получала противника, который реально существовал и был способен ответить. Годами накопленная горечь получала возможность разрядки, и она буквально срывалась с цепи. Однажды вечером отец ее побил, и я был потрясен не столько самим насилием, сколько извращенным наслаждением, которое я прочел на лице матери. В ту ночь они ссорились особенно яростно, и мать бросила ему в лицо, что его сын — вовсе не его сын. Я все понял сразу... Наутро он ушел из дома, и больше мы его не видели. Мой второй отец тоже бросил меня.

Мама отчаянно боролась за наше выживание. Она работала шесть дней в неделю, проводя нескончаемые часы в прачечной. Каждый вечер с ней в дом приходили запахи химикатов и потом повсюду вились во-

круг нее. Когда она приходила поцеловать меня на ночь, я не узнавал больше родного запаха мамы, который всегда обволакивал меня нежностью и успокаивал перед сном.

Еще шаг, еще один...

Потом она переходила с одной работы на другую, в надежде продвинуться и побольше заработать на жизнь. Она меняла любовников, в надежде удержать хоть одного из них и восстановить домашний очаг. Думаю, настал день, когда она поняла всю тщету своих попыток, и с этого момента она сосредоточилась на мне. Я преуспею там, где она потерпела фиаско. Я заработаю столько денег, что и ей тоже хватит. И отныне главной задачей для нее стало мое образование. Я был обязан приносить только хорошие оценки. Все наши разговоры за столом вертелись вокруг колледжа, преподавателей и результатов. Мама сделалась вожаком, а я ведомым. Я с рождения владел двумя языками, общаясь с ней по-французски, а с остальным миром по-английски. И она без конца повторяла мне, что в этом мое огромное преимущество. Несомненно, я стану бизнесменом международного значения или крупным переводчиком, может даже в Белом доме. Ну а почему нет? Только ничтожества ни к чему не стремятся и не имеют никаких амбиций. Когда-нибудь она увидит меня в кресле министра иностранных дел. Я очень боялся ее разочаровать и в классе старался, как мог. Мои многообещающие результаты укрепляли маму в ожиданиях и поддерживали ее стратегию.

Когда же мама узнала, что в Соединенных Штатах обучение платное и стоит очень дорого, это было для нее настоящим ударом. Я впервые видел ее до такой степени обескураженной. На миг мне даже показав-

лось, что она пойдет по пути отца и опустится, как он. Рушились все ее планы, словно над ней тяготело проклятье. Однако потребовалось совсем немного времени, чтобы ее натура взяла верх. Ей удалось добиться встречи с директором лицея, и она отправилась убеждать его, что нельзя просто так оставить на обочине юного американского гражданина. Ведь мои блестящие успехи говорят о том, что я способен служить родине, если, конечно, мне дадут возможность достичь тех высоких должностей, которые обеспечивает университетское образование. Должен же быть какой-то выход: стипендия или еще что-нибудь? Когда она вернулась домой, ее просто распирало. Все оказалось очень просто: выход имелся и обозначался он пятью буквами: СПОРТ. Если я преуспею в спорте, то есть большая вероятность, что университет предоставит мне право поступления с тем, чтобы я вошел в спортивную команду и увеличил ее шансы на победу в турнирах.

И я начал усиленно тренироваться, не смея сообщить маме, что спорт всегда терпеть не мог. А она заставляла меня, подбадривала и дотошно фиксировала каждое мое достижение. Ее не смущало, что в прошлом мои спортивные оценки были очень средненькие. «Захочешь — сможешь», — то и дело повторяла она. Наконец нашелся вид спорта, в котором я не был хуже всех: бейсбол. И с тех пор моя жизнь пошла под знаком бейсбола. Чтобы меня вдохновить, мама пришила к стенке в моей комнате постер со звездами «Тигров», бейсбольной команды Детройта. Я завтракал, и у меня на кружке были выгравированы «Тигры». «Тигры» глядели отовсюду: с ключницы, с футболок, с тапочек, с халата, с авторучек... Я ел «Тигров», писал «Тиграми», мылся «Тиграми» и да-

же спал с «Тиграми». Кончилось тем, что бейсбол начал мне сниться: маме удалось с афиш переселить его ко мне в мозг, и он заполонил там все пространство. Она сразу записала меня в районный бейсбольный клуб и стала брать дополнительную работу, чтобы оплатить мой членский взнос. Там я проводил как минимум по три часа в день, а по выходным — по пять. Крики нашего тренера до сих пор звенят у меня в ушах, а ведь прошло уже столько лет. А еще помню тошнотворный запах пота в раздевалке, когда ребята снимали форму после тренировки. Я ненавидел бейсбол, но очень любил маму и сделал бы все, что угодно, лишь бы ее не разочаровать. Она всю жизнь поддерживала в себе надежду, и мне казалось, что, если ей станет нечего больше ждать, она умрет.

Будущее показало, что я был прав: она умерла через несколько лет, на другой день после того, как я получил университетский диплом. Я остался один, с дипломом в кармане. Собственно, этого диплома я никогда всерьез и не добивался. В школьные годы я общался с ребятами, чьих вкусов и стремлений не разделял. Может, поэтому так и не обзавелся друзьями. В одном крупном предприятии мне предложили место специалиста по бухгалтерскому учету в работе с поставщиками. Зарплата была вполне приличной, но работа мне быстро наскучила. Однако я не впал в уныние, ибо ничего от нее и не ждал. На примере маминой жизни я очень быстро усвоил, насколько напрасны ожидания.

Еще шажок...

После нескольких лет бесцельного и пустого существования я вдруг взял и уехал во Францию. Что это было? Неосознанное желание вернуться к истоку? А может, мне захотелось вернуться, чтобы заново

пересочинить незадавшуюся жизнь моей матери? Не знаю. Так или иначе, я оказался в Париже, а вскоре решил там остаться. Париж — красивый город, но я остался не из-за этого. Дело было в другом. В интуиции, в предчувствии, что он мне назначен судьбой. Тогда я еще не знал, что достаточно быстро мне захочется здесь умереть.

Я искал работу и записался на прием к начальнику бюро по трудоустройству «Дюнкер Консалтинг», которое занималось набором бухгалтеров для крупных предприятий. Он сразу заявил, что к бухгалтерской деятельности я непригоден, так как французская бухгалтерия в корне отличается от англосаксонской. Ничего общего.

— Все ваше обучение придется начинать с нуля, — сказал он и засмеялся, довольный тонким юмором своей фразы.

Впрочем, фраза никого больше не рассмешила. А у него от смеха затрясся двойной подбородок. Я застыл на месте. Однако, добавил он, мои общие познания в вопросе, вкупе с американской культурой, дают мне шанс сделаться в их бюро консультантом по найму. Их самые крупные клиенты — американские компании, и они должны оценить, что набор бухгалтеров к ним на работу доверен американцу.

— Но это невозможно, — возразил я. — Набор на работу — не моя специальность, и я в ней ничего не смыслю.

Он усмехнулся гадкой, порочной улыбкой, какая, наверное, появляется на губах старика, когда в последний момент перед объятием юная девушка вдруг заявляет ему, что она еще девственница.

— Об этом мы позаботимся, — произнес он с важным видом.

Меня взяли, и я на две недели отправился проходить интенсивный курс обучения вместе с другими новичками, которые претендовали на место в штате. Всем им было не более тридцати, и мне казалось, что для такой деятельности они слишком молоды. Для меня оценивать достоинства и степень пригодности кандидатов было все равно что их судить, и я с тревогой думал, как возьму на себя такую ответственность. Остальные вовсе не испытывали никакого страха, наоборот, они с явным удовольствием примеряли на себя солидный костюм чиновника, принимающего на работу, и относились ко всему очень серьезно. Они уже ощущали себя в должности. И вся группа при этом чувствовала принадлежность к элите. Гордыня не оставляла места сомнениям.

В течение пятнадцати дней нас обучали секретам и приемам профессии: как вести беседу с кандидатом, соблюдая простоту стиля и здравый смысл и прибегая еще к куче всяческих ухищрений, которые теперь мне кажутся полной глупостью.

Я усвоил, что, впустив кандидата в кабинет, надо несколько секунд помолчать. Если он заговорит первым, ты, несомненно, имеешь дело с лидером. Если же он терпеливо ждет, когда ему дадут слово, то он по характеру ведомый.

Нам надлежало открыто попросить его представиться:

— Расскажите о себе.

Но при этом не задавать наводящих вопросов. Если кандидат выпутается сам, значит он человек независимый. Если же он начнет спрашивать, с чего начать, с периода учебы или с последнего места работы, то ему явно не хватает инициативы и он будет слишком податлив.

Мы отработывали выученные приемы друг на друге, разбившись на пары, по технике ролевой игры. Одни становились чиновниками, другие кандидатами, тут же придумывали сценарий, причем консультант был волен изощряться, как мог, чтобы вывести кандидата на чистую воду.

Удивительно, какая атмосфера соперничества воцарялась во время этих упражнений. Каждый норовил подчинить себе другого, по большей части воспринимая его как лжеца, которого надо разоблачить, или как врага, которого надо сокрушить. Но самым забавным было то, что инструктор, консультант на жалованье в «Дюнкер Консалтинг», тоже входил в игру и испытывал злорадное удовольствие, заметив чью-нибудь ошибку или упущение. Его любимой фразой было:

— Ага, вот ты и попался!

Он произносил ее с насмешкой, он был в роли, пусть и понимал, что все это только игра. Разумеется, он знал, как заставить нас «попасться»...

Через неделю нам объявили, что мы вполне пригодны к службе.

И я начал проводить дни в бюро, выслушивая, как робкие просители, заливаясь краской от страха, пытались меня убедить, что их главные недостатки — это перфекционизм, чрезмерная строгость и тенденция к перегрузкам. Им даже в голову не приходило, что мне тоже страшно и что я тоже чувствую себя не в своей тарелке. Конечно, у меня шансов было больше, потому что моя роль в игре состояла в том, чтобы слушать, а не говорить. Но я всякий раз приходил в ужас, когда наступал момент безжалостно объявить девяти из десяти соискателей, что их досье не соответствует должности: у меня возникало впечатление,

что я зачитываю им приговор. Мое смятение накладывалось на их смятение, и получался заколдованный круг, в котором неловкость только увеличивалась. Я задыхался в этой роли, да и обстановка в бюро не помогала снять напряжение. Человеческие ценности были не более чем фасадом, а на самом деле здесь царила жесткая и холодная конкуренция.

Выживать в такой обстановке мне помогала Одри. Я познакомился с ней в «Марьяж Фрер» на улице Гранд-Огюстен. Этот магазин был словно вне времени, и там я сразу чувствовал покой и умиротворение. Едва за тобой закрывалась дверь и под ногами начинали поскрипывать половицы старинного дубового паркета, ты окунался в изысканную атмосферу колониальной чайной лавки. Тебя обволакивали ароматы сотен сортов чая, заботливо хранящихся в старинных глиняных шкатулках, и ты переносился на Дальний Восток девятнадцатого века, где, наверное, не раз бывал в своем воображении. Стоит только закрыть глаза — и ты уже на борту трехмачтовой шхуны, нагруженной деревянными ящиками с драгоценными чайными листиками, и вот-вот отправишься бороздить моря и океаны. Пока я заказывал продавцу за прилавком сто граммов «Сакуры 2009», кто-то шепнул мне на ухо, что у «Сакуры империаль» вкус тоньше. Я обернулся. Странно: незнакомая девушка обращается ко мне в городе, где каждый пребывает в своей скорлупе и высокомерно игнорирует остальных. А она сказала:

— Не верите? Пошли, дам попробовать.

И, взяв меня за руку, потащила через зал, лавируя между покупателями и стойками со старинными чайниками, к маленькой лестнице наверх, в дегустационный салон. Там царила атмосфера интимной эlegant-

ности. Между столиками бесшумно и торжественно скользили официанты в светлых льняных костюмах. Я, с моей расхлябанностью, сразу почувствовал себя чужаком из другого времени. Мы уселись в уголке, за столик, покрытый белой скатертью, с серебряными приборами и фарфоровыми чашечками с изображениями знаменитостей. Одри заказала два чая, две горячие ячменные лепешки и «Солнечный удар», фирменное блюдо, которое, по ее мнению, мне непременно надо попробовать. Мы оживленно болтали, и я получал от этого огромное удовольствие. Она училась в Школе изящных искусств и снимала комнату в мансарде, под самой крышей.

— Вот увидишь, у меня такая крошечная комнатка, — сказала она, давая мне понять, что наше знакомство не прервется за дверями «Марьяж Фрер».

Комнатка оказалась очаровательная, с балками на потолке и маленьким окошком, выходившим на бесконечные скаты серых парижских крыш. Не хватало только лунного серпа, чтобы почувствовать себя в атмосфере диснеевского мультика «Коты-аристократы». Она разделась с непринужденной грацией, и я тотчас же влюбился в ее изящное и нежное тело. Такой плоти видеть мне еще не приходилось. Руки и плечи были такие тонкие и хрупкие... Невозможно поверить, что их хозяйка выросла на кукурузных хлопьях и усердно занималась спортом. Кожа ее светилась белизной и резко контрастировала с волосами, а грудь... боже мой, грудь была воистину божественна. Раз пятьдесят за ночь я благодарил ее, что она не стала прибегать к парфюму и дала мне возможность насладиться пьянящим, как наркотик, запахом ее тела. Эта ночь до самой смерти останется в моей памяти.

Мы проснулись на другое утро, и я помчался за круассанами. Единым духом преодолев ступеньки шести этажей ее жилища, я бросился в ее объятия, и мы снова любили друг друга. Впервые в жизни я испытывал новое, незнакомое чувство: я был счастлив. И даже не подозревал, что счастье станет предвестником удара, после которого я так и не оправлюсь.

Четыре месяца моя жизнь вращалась только вокруг Одри. Ею были полны мои дневные мысли и ночные сны. Занятия в Школе изящных искусств делали ее жизнь похожей на швейцарский сыр: то густо, то пусто, и в этой неровной консистенции было трудно выбрать свободное местечко, а потому Одри стала почти недостижима. Случалось, что время выпадало посреди недели днем, и тогда я сбегал с работы под предлогом встречи с клиентом, и мы проводили час-другой в номере отеля где-нибудь поблизости. Я чувствовал себя виноватым, но только чуть-чуть: счастье делает тебя эгоистом. Однажды я сидел у себя в бюро, когда мне позвонила Ванесса, наша секретарша, и сообщила, что меня ожидает клиентка. Я никого не ждал, но организация моего рабочего дня оставляла желать лучшего, а потому на всякий случай я пригласил клиентку войти. Уж лучше принять лишнего клиента, чем дать Ванессе повод придрататься к моей неорганизованности. К тому же я не сомневался, что не пройдет и получаса, как об этом узнает шеф. За дверью слышались шаги, и на пороге я увидел Ванессу, а за ней — мою Одри. На ней был вязаный костюм, волосы забраны в конский хвост, а на носу красовались маленькие очки в металлической оправе. Очков я на ней никогда не видел. Но образ получился в яблочко: истинный гротеск, карикатура на бухгалтера. Осипшим голосом я поблагодарил Ванессу и закрыл за

Одри дверь бюро. Она решительно сняла очки и скорчила недовольную гримаску. Ее намерения я разгадал сразу и похолодел: я достаточно хорошо ее изучил и знал, что ее ничто не остановит.

Ни разу мне еще не приходилось видеть письменный стол в таком ракурсе. Я умирал от страха, что нас кто-нибудь застанет. Сумасшедшая... Но за это я ее и любил.

Когда четыре месяца спустя Одри меня покинула, моя жизнь разом оборвалась. Не было никаких объяснений, ни малейших намеков на причину. Просто однажды вечером я обнаружил у себя в почтовом ящике маленький конверт. В письме было всего одно слово, написанное таким знакомым почерком: «Прощай». Я замер у входа, так и не закрыв почтового ящика. Кровь застыла в жилах. В голове гудело. Меня сильно затошнило. Я еле добрал до старенького деревянного лифта и поднялся на свой этаж. Ни жив ни мертв, ввалился я в квартиру, хлопнулся на диван и разрыдался. Потом резко вскочил. Но этого не может быть! Этого просто не может быть! Наверное, это чей-то розыгрыш или еще какая-нибудь ерунда! Я бросился к телефону и попытался ей позвонить. Раз сто мне отозвался автоответчик, и с каждым разом его голос становился все отстраненнее и холоднее. Кончилось тем, что даже автоответчик перестал отвечать, наверное, я его перегрузил. И откуда-то из самых глубин сознания медленно выплыло знакомое чувство. Оно устроилось на поверхности, и я снова услышал его голос: это нормально, это совершенно нормально, что тебя бросили. Вот так-то. Против судьбы не попрешь, Алан...

Вот тут-то я и понял, что смерть пришла за мной. Нет, я не поддался секундному порыву, не побежал

кидаться под поезд. До моего сведения просто довели, что жребий брошен. Я должен перейти черту. Надо только выбрать время и место. Меня никто не तोропил, меня вовсе не одолевали какие-нибудь болезненные, мазохистские желания, и моей целью не было положить конец страданиям, как бы велики они ни были. Меня непреодолимо влекло туда, за черту, я странным образом чувствовал, что мое место там и туда рвется моя душа. А земная жизнь — это так, недоразумение. Здесь я все делаю шиворот-навыворот, и Одри послана мне, чтобы я познал невыносимую боль и наконец-то посмотрел судьбе прямо в глаза.

Место нашептала мне память, оно не случайно сохранилось в одном из ее закоулков. Одри как-то раз забыла у меня журнал, и я прочел там любопытную статью. Фамилию автора не помню: Дубровский, не Дубровский... Он излагает свою теорию о праве на самоубийство. Человек волен от него отказаться, но если уж не отказался, то кончай с жизнью красиво. Он описывает место, как нельзя лучше подходящее для этой цели. Эйфелева башня, пишет он, хорошо охраняется, но одна достижимая точка там все-таки есть. Надо подняться в «Жюль Верн», роскошный ресторан на третьем этаже, войти в женский туалет и толкнуть маленькую дверь слева от раковины. На двери написано «Служебное помещение», и она ведет в маленькую комнату, где хранятся лампы и детали для светящихся реклам. Окно в комнате не зарешечено и выходит прямо на крышу. Я вспомнил все эти детали так четко, словно прочел статью сегодня утром. Умереть на Эйфелевой башне... В этом есть что-то грандиозное. Это будет реванш за всю неудавшуюся жизнь.

Еще шаг...

Надо пройти еще чуть-чуть вперед, чтобы внизу не торчали никакие металлические конструкции.

У меня никого и ничего больше не осталось: ни друзей, ни родственников, ни радостей... Ничего, что могло бы заставить меня пожалеть... Я был готов душой и телом...

Последний шаг...

Ну вот... Место то самое... Надо собраться... Воздух здесь какой-то... сладкий, просто божественный нектар. Я был совершенно один, и сознание начало меня покидать... Глубокий вдох... И пошел потихоньку направо, к краю пропасти. Даже если не смотреть вниз, ее присутствие, ее красоту можно почувствовать...

Я нахожусь на высоте лебедки лифта «Жюля Верна». Вот она, передо мной, нас разделяют три метра небытия. Отсюда мне виден только кусочек крыши с желобом для кабеля. А дальше — пустота... Пустота... Окна ресторана выходят на другую сторону. Никто меня не видит. Из ресторанного зала не доносится ни единого звука. Только тихо бормочет внизу ночной город. Его огни переливаются, манят, завораживают... и теплый, пьянящий воздух обволакивает меня несказанным счастьем... Я больше не ощущаю своего тела, в голове никаких мыслей... Я уже не я. Я погрузился в пространство, в жизнь, в смерть... Я больше не существую, я неразличим... Я полностью слился с жизнью, я...

Рядом кашлянули...

Это мигом вернуло меня к действительности, как щелканье пальцев гипнотизера выводит пациента из транса.

Справа от меня, у самого бортика крыши, стоял человек и смотрел мне прямо в глаза. На вид ему

было лет шестьдесят... В волосах седина, темный костюм... Взгляд его, в свете огней башни, казалось, шел из ниоткуда. Всю жизнь буду помнить этот серо-стальной взгляд, от которого кровь холодела в жилах.

Во мне перемешались два чувства: удивление и гнев. Я же принял столько предосторожностей, чтобы меня никто не увидел, и был абсолютно уверен, что за мной не следят! А получилось, как в скверном фильме, когда в нужный момент вдруг появляется спаситель и предотвращает самоубийство.

Ладно, жизнь моя не удалась, ее захватили другие. Но смерть принадлежала только мне. Мне одному. Не могло быть и речи, чтобы позволить кому-то меня переубедить: мол, жизнь все равно прекрасна, а таких неудачников, как я, — пруд пруди, ну и так далее в том же духе... Все равно меня никто не поймет, да я и не прошу. Больше всего на свете мне хотелось остаться одному.

— Оставьте меня. Я свободный человек. Я сам знаю, чего хочу. Уходите.

Он молча смотрел на меня, и я стал смутно ощущать, что что-то пошло не так. Вид у него был уж больно... спокойный. Ну да, спокойный и невозмутимый!

Он поднес ко рту сигару:

— Давай прыгай!

Его слова меня парализовали. Я ожидал чего угодно, только не этого. Что за тип? Извращенец? Он что, хочет увидеть мое фиаско, да еще этим и поиграть? Черт побери! И откуда он взялся на мою голову? Чем я провинился перед Богом, мать твою?.. Я взорвался. Долго сдерживаемое бешенство обожгло лицо. Ситуация сложилась невероятная. Этого не могло быть, не могло быть, не могло...

— Ну, чего стоишь? — слышался до жути спокойный голос. — Валяй сигай!

Это меня доконало. Мысли окончательно смешались, и собрать их воедино уже не получалось.

Я смог только выдавить из себя:

— Вы кто? Что вам от меня нужно?

Он безмятежно вытащил изо рта сигару и долго следил за дымком, который легкими кольцами поплыл ко мне. Его взгляд буквально ввинчивался в меня, и я застыл на месте. Да, этот тип одним взглядом, наверное, мог бы согнуть Эйфелеву башню.

— Ты в бешенстве, но в глубине души очень страдаешь, — произнес он спокойно, с неуловимым акцентом, который я не смог распознать.

— Нетрудно догадаться.

— Ты отчаянно несчастлив, и тебе больше не хочется жить.

Его слова меня растревожили, и боль резанула с новой силой. Я чуть кивнул:

— Скажем так... у меня всю жизнь были крупные проблемы...

Он медленно, очень медленно выпустил сигарный дым:

— Крупных проблем не бывает. Бывают мелкие личности.

Во мне поднялась волна гнева. Кровь застучала в висках, и они запылали. Я сглотнул:

— Проще простого воспользоваться ситуацией и унижить меня. Вы кем себя возомнили? Вы-то уж, ясное дело, способны справиться со всеми своими бедами?

Спокойно, с невероятным апломбом он процедил:

— Да. И с чужими тоже.

А мне вдруг стало плохо. Я ощутил себя в пустоте и почувствовал... что боюсь. Страх наконец добрался

до меня и захватил целиком. Руки онемели. Только не смотреть вниз...

А он снова начал:

— Верно, если сиганешь, все проблемы улетучатся и ты вместе с ними... Вы друг от друга отделаетесь, так сказать, будете квиты. Однако ситуация тому не соответствует.

— Что вы хотите сказать?

— В очередной раз плохо будет тебе. А твоим бедам — хоть бы что. Ситуация неравновесна для разрешения.

— Когда прыгаешь с башни, не мучаешься. Шок так велик, что умираешь раньше, чем успеешь понять, что произошло. И никакой боли. Я справлялся, знаю.

Он тихо рассмеялся.

— А что тут смешного?

— Ну да, если исходить из гипотезы, что ты будешь еще жив, ударившись о землю... Вот тут ты и ошибаешься. Живым не финиширует никто.

Он сделал еще одну долгую затяжку. Мне становилось все хуже. Страшно кружилась голова. Сесть бы где-нибудь...

— На самом деле, — продолжил он, — все умирают во время падения, от разрыва сердца. От животного страха при виде земли, которая неотвратимо приближается со скоростью двести километров в час. Страх понуждает в приступе рвоты вытолкнуть из себя все внутренности, а потом рвется сердце. В миг смерти у всех глаза вылезают из орбит.

У меня подкосились ноги. Мне показалось, что я сейчас грохнусь в обморок. Голова кружилась все сильнее. Сердце пронзила острая боль. Главное — не смотреть вниз... Держаться прямо... Сосредоточиться на этом типе и не выпускать его из поля зрения.

Гунель Л.

Г 94 Бог всегда путешествует инкогнито / Лоран Гунель ; пер. с фр. О. Егоровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 416 с. — (The Big Book).
ISBN 978-5-389-19126-6

Книга «Бог всегда путешествует инкогнито» Лорана Гунеля, входящего в пятерку самых популярных беллетристов Франции, стала всемирным бестселлером, несколько лет возглавляла топ-листы продаж во Франции и была переведена на множество языков.

Представьте: вы на краю пропасти. И в этот судьбоносный момент некий человек спасает вас. Взамен вы даете ему обязательство следовать всем его указаниям. Это должно изменить вашу жизнь, сделав ее более радостной и счастливой. Это больше, чем роман, это размышление о себе, которое должно побудить вас взять судьбу в собственные руки.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЛОРАН ГУНЕЛЬ БОГ ВСЕГДА ПУТЕШЕСТВУЕТ ИНКОГНИТО

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Елена Шнитникова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.01.2021. Формат издания $75 \times 100 \frac{1}{32}$.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-MBB-27819-01-R